https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2023. Том 3. № 3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Оригинальная статья
УДК 338.486.5/338.486.6

Дополнение системы стратегического планирования источниками финансирования

С. Ю. Глазьев
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
commission@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6745-7265

Аннотация: Одна их важнейших функций государства – стратегическое планирование социально-экономического развития. Современное государство в передовых странах как представитель интересов всего общества, всех социальных слоев и поколений на основе прогнозирования тенденций будущего развития в стране и в мире определяет национальные интересы, цели и приоритеты развития, реализует их с помощью стратегических и индикативных планов, программ и проектов, институтов развития. Вопреки широко распространенному в «мейнстриме» экономической мысли мнению о нецелесообразности государственного вмешательства в деятельность «невидимой руки» рынка, современная практика государственного управления доказала необходимость стратегического планирования социально-экономического развития как необходимого условия успешного экономического роста. Цель исследования – выявление методологических основ эффективного стратегического планирования. В статье использованы традиционные методы научного исследования – анализ и синтез, обобщение и сравнение. Новизна обусловлена слабой изученностью темы в научной литературе. Сформулированы методологические рекомендации, которые могут найти практическое применение при корректировке государственной политики.
Ключевые слова: стратегия, стратегическое планирование, инвестиции, конкурентоспособность, приоритет

Цитирование: Глазьев С. Ю. Дополнение системы стратегического планирования источниками финансирования // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 3. С. 261–276. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

Поступила в редакцию 31.05.2023. Прошла рецензирование 15.06.2023. Принята к печати 30.06.2023.

© 2023. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии CC BY 4.0

STRATEGIZING:
THEORY AND PRACTICE
2023. Vol 3. No 3

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

original article

Supplementing the System of Strategic Planning with Funding Sources

Sergey Yu. Glazyev
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
commission@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6745-7265

Abstract: Strategic planning of socio-economic development is one of the most important state functions. In advanced countries, the modern state represents the interests of the whole society with all its social and age strata. Its actions rely on forecasting the trends in national and global development. The state defines national interests, goals, and development priorities to implement them through strategic plans, programs, projects, and development institutions. The mainstream economic thought does not justify the state intervention into the market. However, the modern practice of public administration has proven the need for strategic planning of socio-economic development as a prerequisite for successful economic growth. The research objective was to identify the methodological foundations of effective strategic planning. It relied on such traditional methods of scientific research as analysis, synthesis, generalization, and comparison. Despite the poor representation of the topic in scientific journals, the author formulated methodological recommendations that can be applied in practice when adjusting public policy.

Keywords: strategy, strategic planning, investment, competitiveness, priority

Citation: Glazyev SYu. Supplementing the System of Strategic Planning with Funding Sources. *Strategizing: Theory and Practice*. 2023;3(3):261–276. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

Received 31 May 2023. Reviewed 15 June 2023. Accepted 30 June 2023.

用资金来源补充战略规划体系

S.Yu. Glazyev
莫斯科罗蒙诺索夫国立大学，俄罗斯，莫斯科
commission@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-6745-7265

摘要：国家最重要的职能之一是社会经济发展的战略规划。作为全社会、各阶层、各代人利益的代表，在预测国家和世界未来发展趋势的基础上，确定国家利益、发展目标和优先事项，并在战略和指示性计划、方案和项目以及发展机构的帮助下予以实施。与〝主流〞经济思想普遍认为的国家不宜干预市场这只〝看不见的手〞的活动相反，现代公共行政实践证明，社会经济发展战略规划是经济成功增长的必要条件。本研究的目的是确定有效战略规划的方法论基础。文章采用了传统的科学研究方法——分析与综合、概括与比较。其新颖性在于科学文献对该主题的研究较少。作者提出了在公共政策调整中可实际应用的方法论建议。

关键词：战略、战略规划、投资、竞争力、优先事项

2023 年 5月 31 日收到稿件。2023年6月15日通过同行评审。2023年6月30日接受发表

ВВЕДЕНИЕ

С превращением научно-технического прогресса в ведущий фактор экономического роста важнейшей функцией государства становится организация долгосрочного прогнозирования и проектирования научно-технического и экономического развития. Тем самым в условиях высокой неопределенности

© 2023. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

быстрых технологических изменений государство помогает субъектам хозяйственной деятельности сориентироваться в многообразии возможных технологических траекторий, вовремя принять правильные инвестиционные решения. Определяя перспективные направления экономического роста и заблаговременно создавая необходимые для их реализации заделы научно-исследовательских разработок, объекты инфраструктуры и образовательный потенциал, государство поднимает конкурентоспособность национальной экономики, наращивая сравнительные преимущества на прорывных направлениях технико-экономического развития[1].

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Наша страна является родоначальником функций стратегического планирования, формирование которых в системе государственного управления началось еще до Первой мировой войны в начале прошлого века. Российскому государству в целях преодоления технологической отсталости пришлось брать на себя функции организации магистрального железнодорожного строительства, оборонной промышленности, освоения колоссальных пространств. План ГОЭЛРО стал классическим примером успешного государственного стратегического планирования. Развивая этот подход, советская плановая система смогла решить сложнейшие задачи развития, начиная от жилищного строительства и заканчивая космическими полетами.

Вместе с тем бюрократизация и формализация действовавшей в СССР системы директивного планирования привели к накоплению систематических ошибок, обусловленных воспроизводством интересов крупных хозяйственных ведомств. Возобладавшая инерция бесконечного воспроизводства сложившихся производственно-технологических систем привела к падению эффективности и нарастанию технологического отставания СССР и, в конечном счете, к его краху.

Жесткость характерного для советской системы социализма директивного планирования во многом была обусловлена милитаризацией СССР, вынужденного выживать в условиях враждебного окружения вплоть до победоносного завершения Второй мировой войны. Но и последовавшая после нее Холодная война с США и их союзниками вынуждала к сохранению мобилизационных методов организации народного хозяйства, подчинявших его развитие решению задач обеспечения обороны и национальной безопасности. После распада СССР и прекращения Холодной войны двух систем, перехода большинства социалистических стран к рыночной экономике директивное планирование теряет свою актуальность и заменяется индикативным планированием социально-экономического развития. При этом индикативное планирование становится частью системы стратегического управления развитием национальной экономики, обеспечивающей выполнение стратегических планов.

Практически все развитые и успешно развивающиеся страны используют инструменты государственного планирования социально-экономического развития. Наиболее эффективно это делается в странах ядра нового мирохозяйственного уклада – в Китае и Индии. Сочетая стратегическое планирование с механизмами рыночной конкуренции, планирование кредита с частной инициативой, они вышли в мировые лидеры по экономическому потенциалу и объемам производства. Да и в странах Запада системно применяются институты планирования научно-технического, пространственного, энергетического, транспортного развития, подкрепленные инструментами денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики[2].

В большинстве экономически развитых стран мира система государственного планирования и регулирования сформирована в виде пирамидальной взаимосвязанной структуры документов, детализируемых и расширяющихся по охвату параметров функционирования экономики по мере

[1] Глазьев С. Управление развитием экономики: курс лекций. М., 2019. 759 с.

[2] Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования: монография / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, Ю. В. Яковца. М.: Гос. ун-т упр., 2008. 124 с.

сокращения горизонта планирования. В рамках долгосрочной регулирующей деятельности государства осуществляются разработка и реализация среднесрочных программ развития. В свою очередь, в рамках среднесрочных программ проводится краткосрочное государственное планирование и регулирование экономики и социальной сферы. Осуществляются они посредством финансовых, налоговых и других инструментов ежегодного цикла.

В России подобная иерархически организованная система документов предусмотрена Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятым 28 июня 2014 г.[3] 8 ноября 2021 г. вышел Указ Президента РФ № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»[4]. В соответствии с ними разрабатываются десятки тысяч документов стратегического планирования на всех уровнях управления. Серьезной проблемой является согласование огромного множества документов стратегического планирования друг с другом и их проверка на сбалансированность и обеспеченность ресурсами.

В России создана отечественная школа стратегирования под научным руководством академика В. Л. Квинта[5, 6]. Теория стратегии и практика стратегирования получила широкую известность своей экономической и общественной эффективностью[7, 8, 9, 10, 11]. Отечественная школа стратегирования имеет ряд успешных реализованных разработанных региональных стратегий[12, 13].

В последние годы Правительством предприняты действенные меры по решению этих проблем на основе внедрения в систему управления современных цифровых технологий, связывающих в единую информационную систему документы стратегического планирования федерального уровня, мероприятия по их реализации и контроль за их исполнением. В 2021 г. сформирован технологический каркас этой работы – создан Координационный центр Правительства, оцифрованы основные кратко-, средне- и долгосрочные задачи, впервые их сводят в едином финансовом, кадровом и проектом балансе, цели и задачи нацпроектов отражаются в трехлетнем бюджете. Производительность Правительства выросла в два с лишним раза: если в период с 2000 по 2020 гг. ежегодно принималось в среднем 950 актов (постановлений) Правительства РФ, то в 2020–2022 гг. – более 2000 актов в год; резко выросло бюджетное исполнение национальных проектов – с 90 % от плана в 2019 г. до 97 % и более в 2020 г. и 2021 г. Отрабатываются схемы и процедуры проектного и программного финансирования, государственно-частного партнерства, интерактивного стратегического планирования.

Созданный Правительством Координационный совет позволяет в онлайн-режиме отслеживать

[3] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

[4] Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

[5] Kvint V. Strategy for the global market: Theory and practical applications. New York, London: Routledge, 2016. 519 p.

[6] Козырев А. А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447. https://doi.org/I 10.17073/2072-1634-2020-4-434-447

[7] Хворостяная А. С. Стратегирование индустрии моды: теория и практика. СПб.: Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 272 с.

[8] Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development. Boca Raton, CRC Press, 2016. 166 p.

[9] Kvint V. L., Bodrunov S. D. Strategizing societal transformation: Knowledge, techniques, and noonomy. Palm Bay, USA, Burlington, Canada, Abingdon, UK: Apple Academic Press, 2023. 206 p.

[10] Novikova I. V. The Russian Far East: Strategic Development of the Workforce. New York: Apple Academic Press, 2020. 176 p. https://doi.org/10.1201/9781003132158

[11] Хворостяная А. С. Стратегирование суверенитета отечественных брендов лёгкой промышленности и индустрии моды // Экономическое возрождение России. 2023. № 1(75). С. 149–162. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-149-162

[12] Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива: монография / под научной редакцией В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с.

[13] Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

исполнение национальных проектов, государственных программ, работу по реализации поставленных политическим руководством страны целей социально-экономического развития. Закрепление ответственных по направлениям обеспечивает контроль за выполнением запланированных мероприятий. В результате обеспечивается целостность, комплексность, прозрачность и высокая эффективность работы по выполнению мероприятий в целях реализации заведенных в эту информационную систему документов стратегического планирования. Если эту систему дополнить показателями реальных результатов выполняемых мероприятий – роста объемов выпуска продукции и предоставления услуг, разработки и внедрения новых технологий, создания рабочих мест, сделанных капиталовложений и введенных производственных мощностей – и завести их в систему материальных и межотраслевых балансов, то можно было бы получить отражение эффективности реализуемых мероприятий в макроэкономических индикаторах. Агент-ориентированное моделирование может быть удобным инструментом[14, 15].

Особо важна интеграция в систему государственного стратегического планирования институтов развития, крупнейших корпораций, компаний и банков с государственным участием, крупных финансово-промышленных групп. Их совокупный производственный, финансовый и управленческий потенциал должен быть интегрирован не только при выработке стратегии, но и при ее реализации. Следует установить целевые показатели работы государственных институтов развития, банков, корпораций и агентств по направлениям их деятельности, предусматривающих кредиты и инвестиции в создание конкурентоспособных на мировом рынке производств нового технологического уклада, и ввести механизмы реальной ответственности за их своевременное достижение.

В современных условиях стратегическое планирование должно быть достаточно гибким и сводить различные интересы хозяйствующих субъектов и госорганов в общий план действий на основе рыночно-правовых механизмов. Такие механизмы планирования уже введены в законодательство. Специнвестконтракты и другие формы сотрудничества между заинтересованными предприятиями, органами федеральной и региональной власти достаточно широко используются на практике[16]. Только они слабо связаны с реализацией действующих документов стратегического планирования; как правило, основаны на инициативах хозяйствующих субъектов, стремящихся к получению от государства льгот и гарантий для реализации своих инвестиционных проектов. Нужно соединить одно и другое: исполнение документов стратпланирования должно осуществляться посредством механизмов частно-государственного партнерства с подключением к уже существующим формам взаимодействия банков и институтов развития. Таким образом будет сплетена ткань индикативного планирования реализации документов стратегического планирования, в которой ответственность сторон регулируется заключаемыми между ними контрактами.

Это позволит решить проблему создания механизмов ответственности за исполнение документов стратегического планирования и достижение запланированных показателей. Остается нерешенной еще одна немаловажная проблема – определение источников финансирования реализации документов стратегического планирования. Федеральный бюджет завязан на исполнение законодательно установленных мандатов, после которого практически не остается средств на инвестиции в развитие экономики. А денежно-кредитная и торговая политики проводятся автономно от стратегического планирования. Необходимо связать в единую

[14] Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Эпштейн Дж. М. Агент-ориентированное моделирование для сложного мира. М.: МАКС Пресс, 2022. 88 с.
[15] Бахтизин А. Р., Макаров В. Л., Сушко Е. Д. Роль агент-ориентированного моделирования в мониторинге реализации стратегии социально-экономического развития региона // Вестник ЦЭМИ РАН. 2019. Т. 2. Вып. 3. https://doi.org/10.33276/S265838870006691-3
[16] Евстафьева Ю. В. Использование контрактных форм взаимодействия бизнеса и государства для реализации документов стратегического планирования // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 4(170). С. 126–133. https://doi.org/10.33917/es-4.170.2020.126-133

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

систему все функции государственного регулирования экономики и каждую из них ориентировать на достижение общей цели. Тогда мы сможем собрать и запустить систему стратегического управления развитием экономики. Если этого нет, то функционирование экономики определяется не официально поставленными целями, а другими факторами. Можно ставить хорошие цели, но без механизма координации и ответственности за достижение этих целей система не работает. Именно поэтому провалилось исполнение широко разрекламированной Концепции долгосрочного развития до 2020 года.

Методология стратегического планирования предусматривает наличие системы долго-, средне- и краткосрочных прогнозов и выбора приоритетов экономического развития, инструментов и механизмов их реализации, включающих систему долгосрочных концепций, среднесрочных программ и планов, институты организации соответствующей деятельности, а также методы контроля и ответственности за достижение поставленных целей. Система стратегического управления должна выявлять перспективные направления экономического роста, направлять деятельность государственных институтов развития и инструментов экономического регулирования на их реализацию. Она должна включать: прогнозирование НТП, стратегическое планирование, выбор приоритетных направлений наращивания научно-технического потенциала, использование инструментов и механизмов их реализации (концепции, программы и индикативные планы), внедрение методов контроля и механизмов ответственности за достижение необходимых результатов. С учетом ключевого значения государственных банков, корпораций, институтов развития необходимо принимать ежегодные среднесрочные планы деятельности госсектора, сбалансированные по производственным, инвестиционным и финансовым параметрам. Документы макроэкономического, отраслевого и территориального стратегического планирования должны составлять единый комплекс и разрабатываться на общей методологической основе.

Для завершения формирования контура стратегического планирования социально-экономического развития необходимо включение в него недостающих составляющих макроэкономической политики, прежде всего – денежно-кредитной. В настоящее время денежно-кредитная политика ведется автономно – не в соответствии с документами стратегического планирования, а по рекомендациям МВФ, исключающим достижение поставленных на политическом уровне целей развития экономики.

Таблица 1. Целевые и фактические показатели социально-экономического развития до 2020 г.
Table 1. Target and actual indicators of socio-economic development through 2020

Экономический рост (2008–2020 гг.)	
6 % в год	В среднем 3,3 % в год
ВВП (2012–2020 гг.)	
Рост на 66 %	Рост на 4,2 %
Реальные располагаемые доходы (2012–2020 гг.)	
Рост на 50+ %	Снижение на 5,5 %
Уровень бедности (2007– 2020 гг.)	
Снижение на 50 %	Снижение на 0,7 п.п. (~5 %)
Финансирование здравоохранения и образования (2020 г.)	
Около 7 % ВВП и более по каждому направлению	2,1 % всего по обоим направлениям
Обеспеченность жильем (2008–2020 гг.)	
Рост на 28–61 %	Рост на 21 %

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

Президент ставит задачу экономического рывка, но Центральный банк блокирует ее решение, сворачивая кредитование инвестиций под предлогом «таргетирования инфляции», госбанки вместо кредитования инвестиций ориентируются на получение прибыли за счет комиссий с населения, а предприятия переправляют доходы в офшоры вместо того, чтобы вкладывать в развитие. В итоге не достигаются цели ни по росту производства, ни по снижению инфляции[17].

Без включения денежно-кредитной политики и банковской системы в контур стратегического планирования невозможно обеспечить реализацию поставленных политическим руководством целей развития страны. Например, импортозамещение идет вяло, несмотря на политические установки и широкие возможности, открывающиеся с прекращением импорта из ЕС. Из-за ухода западных компаний освободилась четверть рынка конечной продукции и появилась возможность заместить ее производством собственной продукции. Свободные производственные мощности для этого есть (их средняя загрузка в промышленности чуть больше 60 %), но нет доступных кредитов для соответствующего пополнения оборотных средств и совершения необходимых для отладки технологий инвестиций[18]. Без введения реального государственного планирования, обеспеченного механизмами ответственности, финансирования и научного сопровождения, импортозамещение не состоится: внешняя торговля просто переориентируется с Запада на Восток и Юг. Именно это и происходит: в прошлом году сокращение доли недружественных стран во внешней торговле ЕАЭС сократилась на 13 %, а остальных – увеличилась на эту же величину.

Систематическое завышение Банком России ключевой ставки относительно рентабельности производственной сферы повлекло простой 40 % производственных мощностей российской экономики, что привело к недопроизводству товаров на сумму около 50 трлн руб. и недовложениям капитала в основные средства более чем на 20 трлн руб., начиная с 2014 г. В то же время вследствие ориентации проводимой в России денежно-кредитной политики на обслуживание интересов валютных спекулянтов возникла чрезмерная волатильность обменного курса рубля, что крайне негативно влияло на инвестиционные предпочтения бизнеса и инфляционные ожидания населения, а также вызвало мощные искажения во взаимной торговле в ЕАЭС.

Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования Центральным банком кредитных институтов, замкнутый на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития. Это можно сделать путем использования хорошо известных и отработанных в практике развитых стран косвенных (рефинансирование под залог обязательств государства и платежеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, предоставление госгарантий, фондирование институтов развития) способов денежной эмиссии. Уже многие десятилетия эмитенты мировых резервных валют направляют денежную эмиссию непосредственно на государственные нужды путем приобретения центральными банками государственных долговых обязательств. При этом следует учитывать, что в развитых экономиках при осуществлении эмиссии делается упор на формирование целевых «длинных» и «сверхдлинных» ресурсов (в США, Японии и Китае – до 30–40 лет) под обязательства государства, в том числе связанные с финансированием долгосрочных инвестиционных проектов, которые дополняются инструментами среднесрочного

[17] Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
[18] Оценки Института народнохозяйственного прогнозирования, 2022 г.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

рефинансирования, что создает мощную основу «длинных» ресурсов в экономике[19].

В ситуации денежной экспансии и мер по удешевлению финансовых ресурсов, проводимых эмитентами мировых валют с началом мирового финансового кризиса, необходимо выравнивание условий деятельности отечественных предприятий по сравнению с иностранными конкурентами по стоимости финансовых ресурсов, срокам их предоставления, уровню рисков. Для этого требуется снижение ключевой ставки и ставок специальных инструментов рефинансирования, устанавливаемых центральными банками многих ведущих стран на уровне ниже инфляции на долгосрочный период в целях нивелирования рисков издержек заемщиков, и удлинение сроков предоставления кредитных ресурсов. Денежно-кредитная политика должна стать органичной частью стратегического планирования и согласовывается со структурной, научно-технической, промышленной, региональной составляющими общегосударственной политики развития экономики.

Банку России следовало бы ориентироваться на создание благоприятных условий для наращивания кредитования инвестиций в реальный сектор экономики, увязывать монетарную политику с решением задач кредитования модернизации и роста экономики. При этом важно обеспечить приоритетную роль внутренних каналов монетизации, в том числе расширяя долго- и среднесрочное рефинансирование коммерческих банков под обязательства производственных предприятий и уполномоченных органов государственного управления. Организация целевого долгосрочного кредитования реального сектора должна вестись под финансирование целевых программ, устанавливающих перспективные направления роста и модернизации производства. Каналы долгосрочного кредита должны выстраиваться через контролируемые государством банки под индикативные планы роста инвестиций и производства, в том числе в целях импортозамещения, развития инфраструктуры, расширения экспорта. Правовую основу этой системы целевого кредитования роста производства могли бы составить упомянутые выше инструменты государственно-частного партнерства для реализации документов стратегического планирования. Гарантированно целевое использование кредита позволяет удерживать процентные ставки по предоставляемым для финансирования инвестиций кредитов для конечных заемщиков не выше 2 % (0,25 % – стоимость ресурсов ЦБ и до 1,5 % – стоимость ведения уполномоченным банком спецсчетов, организации контроля целевого расходования средств). Государственные институты развития должны составить основу этой системы, транслируя импульсы роста инвестиций в рыночную среду.

Целесообразно использовать хорошо зарекомендовавшие себя в успешно развивающихся странах методы и инструменты кредитования инвестиционной и инновационной активности. В частности, перспективным представляется широкое использование специальных инструментов рефинансирования банков и институтов развития для целей кредитования: инвестиций в модернизацию и наращивание производства, развитие инфраструктуры, замещение импорта и расширение несырьевого экспорта, лизинг оборудования и техники, производимой в государствах-членах ЕАЭС; малого и среднего бизнеса; сельского хозяйства; жилищного строительства; расширения производственной кооперации и реализации совместных программ и инвестиционных проектов государств-членов ЕАЭС. В рамках использования этих инструментов коммерческими банками и институтами развития цена заимствований для конечных заемщиков не должна превышать: 0,5 % – для кредитов привлекаемых в целях финансирования национальных и межгосударственных программ и проектов, соответствующих приоритетам документов стратегического планирования, а также для кредитования лизинга отечественного оборудования и транспортных средств; 2 % – для кредитов,

[19] Ершов М. В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37–53. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

привлекаемых для финансирования инвестиций в основной капитал промышленных предприятий; 4 % – для кредитов, привлекаемых в целях пополнения оборотного капитала производственных предприятий. Для контроля за целевым использованием кредитов, предоставляемых в рамках специальных инструментов рефинансирования целесообразно использование цифровых методов маркировки выделяемых заемщикам денежных средств. Данный вид финансирования не будет создавать инфляционный эффект, поскольку эмитируемые кредитные ресурсы будут связаны в процессах расширения производства и роста инвестиций на имеющихся производственных мощностях и ресурсной базе, увеличивая предложение товаров и снижая издержки их производства.

Руководителям денежных властей пора наконец понять азбучную истину теории развития экономики: единственно возможным способом достижения стабильно низкой инфляции в открытой для мирового рынка экономике является всемерное стимулирование НТП с целью снижения издержек и повышения объемов выпуска конкурентоспособной продукции. А для этого необходимо значительное наращивание инвестиций за счет увеличения их кредитования, прекращения утечки капитала и улучшения инвестиционного климата, включая стабилизацию курса рубля и создание заслуживающей доверия системы разрешения хозяйственных споров. Соответствующие механизмы должны стать инструментами системы стратегического планирования.

Переход к общепринятой в странах ядра нового мирохозяйственного уклада денежно-кредитной политике, включающей валютные ограничения на трансграничные операции с капиталом, а также регулирование ставки процента исходя из целей повышения инвестиционной активности, остановит вывоз капитала и даст возможность расширения внутреннего кредита реальному сектору экономики[20]. Расширение кредитования обеспечит вовлечение простаивающих производственных мощностей, активизацию незадействованного научно-технического потенциала, вовлечение вывозимых за рубеж природных ресурсов в процесс расширенного воспроизводства экономики. Возможности неинфляционной ремонетизации экономики России оцениваются на уровне до 25 трлн рублей в год, что позволяет к 2035 г. выйти на характерные для развитых стран показатели мощности финансового сектора, соответствующие целевому объему ВВП. В том числе, исходя из возможностей неинфляционной ремонетизации экономики, объем кредитов, выделяемых предложенным целевым образом, может составить до 10 трлн руб. в год. Займы должны оформляться посредством инструментов частно-государственного партнерства, предусматривающих целевое использование кредитов.

Огромным резервом наращивания инвестиций является прекращение утечки капитала, которая в прошлом году достигла 240 млрд долл. Это составляет 65 % от сделанных в том же году инвестиций в основной капитал. Целесообразно введение норм валютного регулирования, ограничивающих трансграничные операции с капиталом в валюте третьих стран инвестициями в создание объектов внешнеторговой инфраструктуры, добычу и производство необходимого для отечественной промышленности сырья, импорт передовых технологий и другие связанные с повышением конкурентоспособности национальной экономики направления. При этом в целях сокращения издержек во взаимной торговле в рамках ЕАЭС целесообразно отменить валютный контроль за текущими трансграничными операциями, совершаемыми в рублях.

Чрезвычайно важным для наращивания инвестиционной активности является стабилизация обменного курса рубля. Это необходимо также для обеспечения макроэкономической устойчивости и контроля над инфляцией. Проводимая Банком России денежно-кредитная политика вогнала экономику России в стагфляционную ловушку, создав порочный круг суженного воспроизводства с инфляционными волнами: повышение ключевой ставки – сжатие кредита – сокращение инвестиций –

[20] Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2023. 406 с.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

технологическая деградация – снижение конкурентоспособности экономики – девальвация рубля – всплеск инфляции – повышение ключевой ставки… Оправдание этой политики «таргетированием инфляции» теоретически несостоятельно, так как в открытой экономике невозможно таргетировать инфляцию без стабилизации обменного курса национальной валюты, неконтролируемые обрушения которого генерируют инфляционные волны. Когда вследствие ареста валютных резервов Банк России прекратил влиять на валютный рынок, курс рубля существенно укрепился. Это свидетельствует о том, что под ширмой режима свободного плавания Банк России дает спекулянтам возможность манипулировать курсом. Введенные год назад меры по блокированию вывоза капитала автоматически вывели их с рынка, и курс рубля стал действительно формироваться реальным платежным балансом, из которого оказались исключены манипулятивные операции. Поэтому он укрепился и стабилизировался, а навязчивая мантра ЦБ о том, что «плавающий курс позволяет экономике лучше абсорбировать внешние шоки» является не более чем абсурдной догмой. В реальности режим свободно плавающего курса используется валютными спекулянтами для его раскачки в целях обогащения, следствием чего становятся мощные инфляционные волны, обесценивающие рублевые сбережения и влекущие массовые банкротства предприятий, инвестировавших в импортное оборудование. Каждое падение мировых цен на нефть, политические кризисы, природные катастрофы и прочие поводы спекулянты используют как повод для обрушения курса рубля, многократно усиливая внешние шоки.

Целесообразно введение в договорно-правовую базу ЕАЭС нормы, предусматривающей обязательства центральных банков по поддержанию взаимных котировок обменных курсов национальных валют в определенных рамках, необходимых для поддержания стабильных условий взаимной торговли и совместных инвестиций. Сглаживание взаимных колебаний обменных курсов национальных валют должно вестись на основании проведения скоординированных интервенций центральных (национальных) банков на валютном рынке для недопущения существенных отклонений от долгосрочных равновесных уровней. Необходимую помощь в этом должен оказывать Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), предоставляя при необходимости кредиты на стабилизацию курса валюты нуждающимся государствам-членам. Для балансировки взаимной торговли целесообразен обмен валютно-кредитными свопами между центральными банками государств ЕАЭС. Важную роль в обеспечении стабильности обменных курсов национальных валют может сыграть введение единых нормативов обязательной продажи валютной выручки экспортерами, получаемой в валютах третьих стран на общем финансовом рынке ЕАЭС. При этом экспортные операции в рамках взаимной торговли в ЕАЭС, совершаемые в национальных валютах государств-членов, могут быть освобождены от обязательной продажи валютной выручки. Стабилизирующую роль на финансовом рынке сыграло бы введение единого налога на операции по покупке валюты третьих стран в целях предотвращения спекулятивных атак против национальных валют государств ЕАЭС в размере 0,01 % от суммы транзакции. Основная фискальная нагрузка этого налога ляжет на финансовые спекуляции, дестабилизирующие валютно-финансовой рынок, и тем самым будет способствовать макроэкономической стабильности. Введение данного налога не окажет заметного воздействия ни на внешнюю торговлю, ни на другие виды полезной экономической деятельности. Данная мера будет необременительной для финансовых транзакций в производительных целях, а деятельность финансовых спекулянтов сделает менее прибыльной. Она защитит финансовый рынок от манипулирования и спекулятивных атак.

Обеспечение стабильности обменного курса рубля – важнейший фактор ценообразования во взаимной торговле государств ЕАЭС. Его сверхволатильность дезорганизует взаимную торговлю, влечет инфляционные шоки и вызывает справедливые нарекания партнеров. Имея объем валютных

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

резервов, втрое превышающие величину денежной базы, Банк России мог бы легко обеспечить стабильный курс рубля, удерживая его на уровне конца 2014 г. на неизменном уровне. Тем самым бы он действительно демпфировал влияние колебания мировой конъюнктуры на внутренний рынок, позволяя предприятиям планировать долгосрочные инвестиции.

Еще одним эффективным демпфером разрушительных для внутреннего рынка колебаний мировых цен являются экспортные пошлины. На основе положительного опыта их применения в России, в рамках ЕАЭС следовало бы провести систематизацию и унификацию экспортного тарифа, привязав его к величине сверхприбыли, получаемых экспортерами сырья вследствие повышения мировых цен. Введенный в России как важный компенсационный механизм при либерализации внешней торговли с 1992 г. экспортный тариф на вывоз сырьевых товаров сыграл значительную положительную роль. Одновременно с либерализацией внешней торговли были введены экспортные таможенные пошлины на вывоз нефти, газа, металлов, химического сырья, круглого леса и других сырьевых товаров, внешнеторговая цена на которые содержала значительную рентную составляющую. Благодаря этому федеральный бюджет получал в то время до одной трети доходов. По сути, это инструмент изъятия в общих интересах развития природной ренты и конъюнктурных сверхдоходов с экспортируемой части природных ресурсов, большая часть которых в настоящее время утекает за рубеж и накапливается в офшорах, находящихся в юрисдикциях недружественных стран. Помимо фискальных целей, этот универсальный инструмент призван оградить внутренний рынок от давления мирового ценообразования на ключевые биржевые товары, сделав цены на внутреннем рынке ниже на величину экспортного тарифа. Кроме того, экспортная пошлина оказала бы серьезное положительное влияние на эффективность и прозрачность экспортных операций, сделав невыгодной продажу востребованных внутренним рынком биржевых товаров по демпинговым ценам, чего крайне сложно достичь за счет применения экспортных квот. Введение единого экспортного тарифа ЕАЭС соответствует общим принципам функционирования единой таможенной территории государств-членов ЕАЭС и общепринятому определению таможенного союза.

Основой исчисления величины вывозных пошлин является разница между номинированной в иностранных юрисдикциях и биржах мировой ценой товара и издержками его производства по внутренним ценам. Ежегодный объем поступлений от экспортных пошлин на поставляемые в третьи страны сырьевые товары при текущей конъюнктуре мировых цен мог бы составить до 30 трлн рублей. Часть доходов от взимания экспортных пошлин на вывоз сырьевых товаров можно было бы направлять на цели развития ЕАЭС. Это позволило бы получить источник финансирования совместных программ и проектов, разработка и реализация которых предусмотрена Стратегическими направлениями развития ЕАЭС до 2025 г.[21] Общий объем этого финансирования, только исходя из масштаба поставленных задач и потребностей в ресурсах для полноценной реализации Стратегических направлений евразийской экономической интеграции до 2025 г., оценивается в 1,5 трлн рублей ежегодно (около 1 % ВВП ЕАЭС). В том числе финансируемая за счет государств-членов часть расходов по этим направлениям, исходя из имеющихся проектов, должна составлять не менее 150 млрд руб. ежегодно. За вычетом части, отчисляемой в бюджет ЕАЭС, собираемые экспортные пошлины целесообразно направлять на формирование Бюджета развития России, используемого для финансирования реализации документов стратегического планирования. Для этого придется скорректировать действие бюджетных правил в части направления конъюнктурных доходов не на резервирование в зарубежных активах, а на цели стимулирования инвестиционной и инновационной активности в бюджет развития.

[21] Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

В совокупности общий объем указанных источников финансирования реализации документов стратегического планирования может составить до 10 % ВВП, из которых 5 % ВВП могли бы составить ассигнования за счет экспортных пошлин; 5 % ВВП – рефинансирование уполномоченных коммерческих банков и институтов развития со стороны центрального банка. Этого будет достаточно для создания необходимого для реализации открывающихся возможностей подъема экономики на «волне» роста нового технологического уклада инициирующего импульса обновления основного капитала. Его организация предполагает повышение нормы накопления с нынешних 18–20 % до 35–40 % ВВП с концентрацией инвестиций на прорывных направлениях роста нового технологического уклада и модернизации экономики на его основе (рис.[22]).

О целесообразности перехода к целеориентированной на рост инвестиций денежно-кредитной политики свидетельствует опыт стран, успешно использовавших «окно» возможностей для технологического рывка – все они прибегали к политике финансового форсажа, увеличивая в разы объем кредитования перспективных направлений экономического роста. Их центральные банки, по сути, становились банками развития, эмитируя необходимое количество денег для реализации централизованно спланированных инвестиционных проектов и программ[23].

Имеющийся в России и государствах ЕАЭС производственный потенциал позволяет ежегодно наращивать выпуск продукции на 8 % ВВП. Для этого, как показывает анализ зависимости между приростом инвестиций и ВВП, потребуется ускорение прироста инвестиций до 16 % в год (таблица 2[24]).

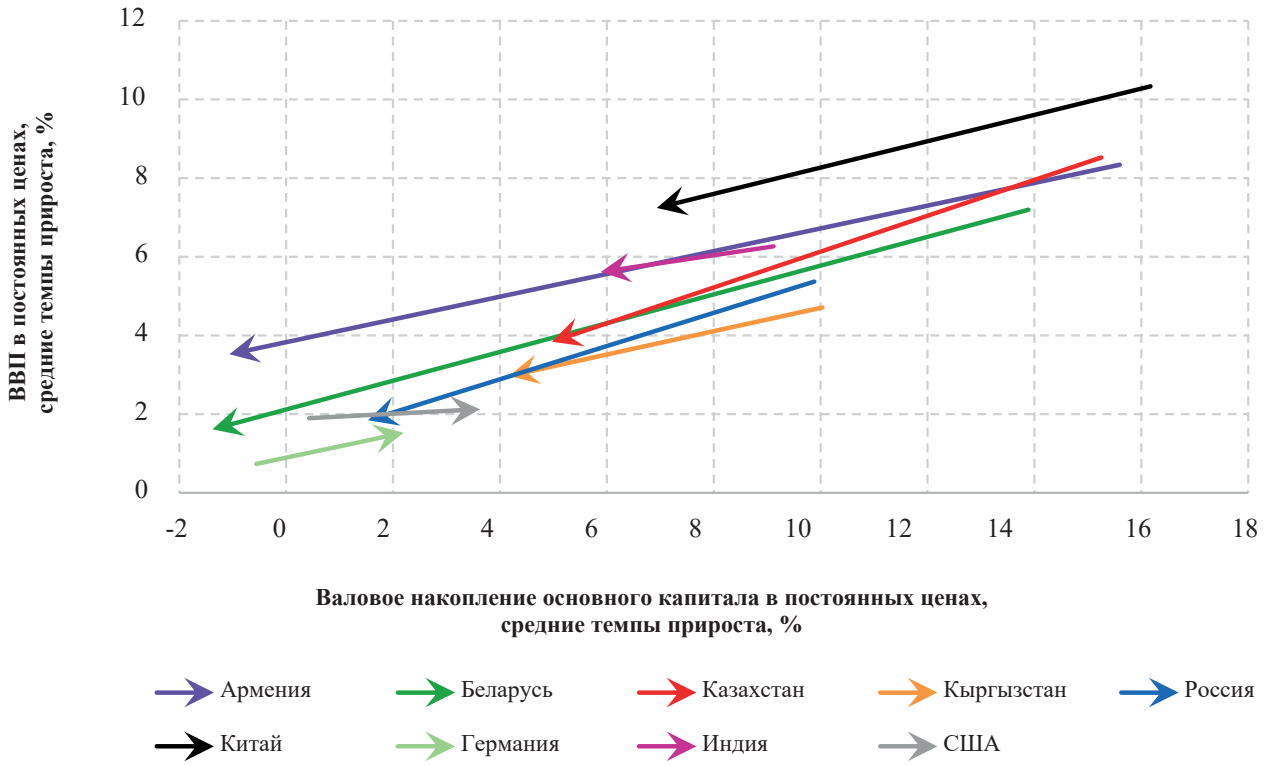

Рис. Экономический рост и инвестиции (средние значения в 2000–2009 гг. и в 2010–2020 гг.)
Fig. Economic growth and investment, mean values for 2000–2009 and 2010–2020

[22] Составлено автором, по КНР используется показатель валового накопления.
[23] Миркин Я. М. Посткризисная стратегия развития финансового сектора России // Вестник Финансовой академии. 2009. № 2. С. 12–17.
[24] Составлено автором.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-261-276

Таблица 2. Стратегия опережающего развития (сумма вклада основных мероприятий в ежегодный прирост производства и инвестиций)
Table 2. Advanced Development Strategy as the sum of the contribution of the main activities to the annual increase in production and investment

Мероприятия стратегии	Ежегодные темпы прироста	
	Производства	Инвестиций
1. Форсированный рост нового технологического уклада	35 %	50 %
2. Динамическое наверстывание в высокоразвитых сегментах экономики (авиа-, энергетическое, нефтегазовое машиностроение, строительство, сельское хозяйство)	10–30 %	20–40 %
3. Догоняющее развитие (промышленная сборка транспортных средств)	5–10 %	10–15 %
4. Углубленная переработка сырья	15–20 %	20–40 %
5. Стимулирование инновационной активности, развитие человеческого потенциала	5 %	10 %
В среднем по экономике	8 %	16 %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стержнем стратегического планирования на современном этапе должна стать реализация стратегии опережающего развития, которая заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада, модернизации экономики на его основе и скорейшем выводе экономики на связанную с ним новую длинную волну роста[25, 26]. Для этого необходимо концентрированное вложение ресурсов в развитие перспективных производственно-технологических комплексов нового технологического уклада, что невозможно без системы целенаправленного управления финансовыми потоками[27]. Необходимо создание системы управления, включающей описанные выше механизмы денежно-кредитной, тарифно-торговой и валютной политики, ориентированные на становление «ядра» нового технологического уклада.

ЛИТЕРАТУРА

Аганбегян А. Г. Главная задача – возобновить устойчивый социально-экономический рост // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 17–31. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-17-31

Алимурадов М. К. Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 163–172. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172

Бахтизин А. Р., Макаров В. Л., Сушко Е. Д. Роль агент-ориентированного моделирования в мониторинге реализации стратегии социально-экономического развития региона // Вестник ЦЭМИ РАН. 2019. Т. 2. Вып. 3. https://doi.org/10.33276/S265838870006691-3

[25] Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.

[26] Аганбегян А. Г. Главная задача – возобновить устойчивый социально-экономический рост // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 17–31. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-17-31

[27] Алимурадов М. К. Межрегиональная конкуренция за стратегические экономические факторы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 163–172. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172

Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2023. 406 с.

Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.

Глазьев С. Управление развитием экономики: курс лекций. М., 2019. 759 с.

Евстафьева Ю. В. Использование контрактных форм взаимодействия бизнеса и государства для реализации документов стратегического планирования // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 4(170). С. 126–133. https://doi.org/10.33917/es-4.170.2020.126-133

Ершов М. В. Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37–53. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53

Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования: монография / под науч. ред. С. Ю. Глазьева, Ю. В. Яковца. М.: Гос. ун-т упр., 2008. 124 с.

Квинт В. Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299

Козырев А. А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447. https://doi.org/I 10.17073/2072-1634-2020-4-434-447

Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива: монография / под научной редакцией В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с.

Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Эпштейн Дж. М. Агент-ориентированное моделирование для сложного мира. М.: МАКС Пресс, 2022. 88 с.

Миркин Я. М. Посткризисная стратегия развития финансового сектора России // Вестник Финансовой академии. 2009. № 2. С. 12–17.

Хворостяная А. С. Стратегирование индустрии моды: теория и практика. СПб.: Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 272 с.

Хворостяная А. С. Стратегирование суверенитета отечественных брендов лёгкой промышленности и индустрии моды // Экономическое возрождение России. 2023. № 1(75). С. 149–162. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-149-162

Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development. Boca Raton, CRC Press, 2016. 166 p.

Kvint V. Strategy for the global market: Theory and practical applications. New York, London: Routledge, 2016. 519 p.

Kvint V. L., Bodrunov S. D. Strategizing societal transformation: Knowledge, techniques, and noonomy. Palm Bay, USA, Burlington, Canada, Abingdon, UK: Apple Academic Press, 2023. 206 p.

Novikova I. V. The Russian Far East: Strategic Development of the Workforce. New York: Apple Academic Press, 2020. 176 p. https://doi.org/10.1201/9781003132158

СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2023. Том 3. № 3

REFERENCES

Aganbegyan AG. The main task is to renew sustainable socio-economic growth. Central Russian Journal of Social Sciences. 2021;16(2):17–31. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-2-17-31

Alimuradov MK. Interregional Competition for Strategic Economic Factors. Strategizing: Theory and Practice. 2021;1(2):163–172. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-2-163-172

Bakhtizin A, Makarov V, Sushko E. Meaning of an agent-based modelling in monitoring the implementation of the strategy of socio-economic development of the region. Herald of CEMI. 2019;2(3). (In Russ.) https://doi.org/10.33276/S265838870006691-3

Glazyev S. Kitayskoye ekonomicheskoye chudo. Uroki dlya Rossii i mira [Chinese economic miracle. Lessons for Russia and the World]. Moscow: Ves mir; 2023. 406 p. (In Russ.)

Glazyev S. Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh tekhnologicheskom i mirokhozyaystvennom ukladakh [The breakthrough into the future. Russia in the new technological and world economic patterns]. Moscow: Knizhnyy mir; 2018. 768 p. (In Russ.)

Glazyev S. Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh globalnogo krizisa [Strategy for Russia's advanced development in the global crisis]. Moscow: Economica; 2010. 254 p. (In Russ.)

Glazyev S. Upravleniye razvitiyem ekonomiki [Management of economic development]. Moscow; 2019. 759 p. (In Russ.)

Yevstafyeva YV. Using contract forms of cooperation between the business and the state for strategic planning documents implementation. Economic Strategies. 2020;4:126–133. (In Russ.) https://doi.org/10.33917/es-4.170.2020.126-133

Ershov MV. Ten years after the global crisis: risks and prospects. Voprosy Ekonomiki. 2019;1:37–54. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-37-53

Zarubezhnyy opyt gosudarstvennogo prognozirovaniya. strategicheskogo planirovaniya i programmirovaniya [Foreign experience of state forecasting, strategic planning, and programming]. Moscow: Gos. un-t upr.; 2008. 124 p. (In Russ.)

Kvint VL. Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy. Russian Journal of Industrial Economics. 2020;13(3):290–299. (In Russ.) https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299

Kozyrev AA. Study of methodological basis of strategizing of social and economic development. Russian Journal of Industrial Economics. 2020;13(4):434–447. (In Russ.) https://doi.org/I 10.17073/2072-1634-2020-4-434-447

A conceptual future for the Kuzbass region: strategic outlines of developmental priorities through 2071, a 50-year perspective. Ed. VL Kvint. Kemerovo: Kemerovo State University; 2022. 283 p. (In Russ.)

Makarov VL, Bakhtizin AR, Epstein JM. Agent-based modeling for a complex world. Moscow: MAKS Press; 2022. 88 p. (In Russ.)

Mirkin YM. Post-crisis strategy of the RF financial sector development. Vestnik Finansovoj Akademii. 2009;2:12–17. (In Russ.)

Kvorostyanaya AS. Strategirovaniye industrii mody: teoriya i praktika [Strategizing the fashion industry: theory and practice]. St. Petersburg: North-Western Institute of Management – branch of RANEPA; 2021. 272 p. (In Russ.)

Khvorostyanaya AS. Strategizing the Sovereignty of Domestic Brands of Light Industry and the Fashion Industry. Economic Revival of Russia. 2023;1(75):149–162. (In Russ.) https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-149-162

Darkin S, Kvint V. The Russian Far East: Strategic Priorities for Sustainable Development. Boca Raton, CRC Press; 2016. 166 p.

Kvint V. Strategy for the global market: Theory and practical applications. New York, London: Routledge; 2016. 519 p.

Kvint VL, Bodrunov SD. Strategizing societal transformation: Knowledge, techniques, and noonomy. Palm Bay, USA, Burlington, Canada, Abingdon, UK: Apple Academic Press; 2023. 206 p.

Novikova IV. The Russian Far East: Strategic Development of the Workforce. New York: Apple Academic Press; 2020. 176 p. https://doi.org/10.1201/9781003132158

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Глазьев Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заведующий кафедрой методологии государственного и муниципального управления Факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

CONFLICTS OF INTEREST: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

ABOUT AUTHOR: Sergey Yuryevich Glazyev, Doctor of Science (Economy), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Methodology of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.